

В прототипе повести, очевидно, уже шла речь о чудесном мече, находящемся в храме меж каменями, и автор повести, везде носящей следы тщательной литературной обработки, употребил слово „керемиды“ вместо слова „камни“ как технический термин, хорошо известный в древней Руси.

С еще большей вероятностью можно признавать авторство книжника за следующим добавлением: „Он же (Петр) от неприазнивыя тоя крови острупе; и язвы быша; и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото многа врачей исцеления, и ни от единого получи“.¹ Эпизод этот, заболевание от крови змея, совсем не встречается в цикле произведений об огненном летающем змее. Мы знаем, что нет его и в сказке о мудрой деве. Нет его и в той народной переделке сказки, которую мы назвали легендой о Февронии из села Ласково. В повести же его функция очень важна: он объединяет в одно произведение два самостоятельных сюжета. Автор повести использовал его в композиционных целях с вполне осознанным намерением. Он завершил объединение двух сюжетов, в устной традиции уже как-то соединившихся с именами муромского князя Петра и княгини Февронии родом из села Ласково.

Местный колорит в первой части повести намечается уже совершенно отчетливо: „Сей убо в русьтей земли град, нарицаемый Муром; в нем же бе самодержьствуяй благоверный князь, яко же поведяху именов Павел. . .“, „имяше же (Петр) обычай ходити по церквам, уединяся; бе же вне града церковь в женьстем монастыре Воздвижение честнаго креста, и прииде ту един помолитися“; отмечаются обычаи княжеского двора: князь и княгиня живут в различных „храминах“, Петр ходит „по вся дни к брату своему и к сносе на поклонение“ и т. п.

Эпические образы и змея и героя-змееборца, как и борьба героя со змеем, несколько переосмыслены в повести в легендарно-агиографическом плане. Змей посещает молодую жену князя Павла вследствие исконной ненависти дьявола к человеческому роду. Князь Петр не сам находит меч, а получает его благодаря помощи чудесного отрока. Сражаясь со змеем, он надеется не на свою силу, а на „божью помощь“. Но это чисто внешний христианский налет. Он не значителен и не глубок. Не в нем основной пафос творческого замысла автора повести. Он важен для автора не сам по себе, а как привычное средство идеализации героя.

Действительно, самой характерной особенностью литературной обработки народно-поэтического сюжета в этой части повести надо считать идеализацию образа князя Петра, придание ему героических черт, причём идеализация эта не вневременная: герой приобретает черты идеального князя конкретно-исторической действительности — феодальной Руси. С исключительным мастерством несколькими штрихами автор повести рисует этот, для второй половины XV в. уже архаичный, образ молодого

¹ См. ниже, стр. 229